

«СПЕЦЕЕДСТВО» И «КОММУНИЗАЦИЯ»
ПРОТИВ СЕМЕЙСТВЕННОСТИ.
РЕФОРМИРОВАНИЕ МОСКОВСКОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
В КОНЦЕ 1920-ых –НАЧАЛЕ 1930-ых гг.

Аннотация: В данной статье впервые представлены документы дирекции и отдела кадров Политехнического музея в Москве конца 1920-ых – начала 1930-ых гг. Они интересны не только как яркие свидетельства жестокой эпохи, но и как уникальный комплекс источников по истории Политехнического музея как длительно существовавшей в истории взаимосвязанной группы людей. Политехнический музей до сих пор мало исследовали в таком качестве. Музей как институция и как группа людей пережил несколько исторических эпох, продолжая быть частью публичного пространства города и страны. Подобные исследования смогут пролить свет на специфику формирования понятия публичного пространства и практик взаимодействия в нем в нашей стране.

Ключевые слова: История Политехнического музея в Москве, пролетаризация, «чистки советского госаппарата», социальный капитал, семья как социальный актор.

Об авторе: Анна Анатольевна Котомина – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Политехнический музей, 101000 г. Москва, Новая площадь 3/4. akotomina@yandex.ru

Замысел данной статьи возник после обнаружения письма в Коллегию Главнауки от Правления Политехнического музея «о совместной службе родственников, имеющей место в настоящее время в музее» [17:79–81]. Письмо датировано 18 февраля 1927 г. Оно было подготовлено в ответ на предложение Коллегии «обсудить вопрос и представить соображения». Коллегия Главнауки была административным подразделением Наркомата просвещения РСФСР (НКП РСФСР), которое управляло делами научных учреждений. Политехнический музей подчинялся Главнауке после принятия нового устава в 1923 г. Музей находился в ведении НКП РСФСР с 1918 г., его здание на Лубянской площади было

национализировано в 1922 г., и передано в управление тому же ведомству «для спасения от дальнейшего разрушения» [12:12]. Директор музея профессор П.П. Петров и ученый секретарь профессор В.Р. Вильямс «представили соображения» быстро, за две недели. Признавая, что 13,7% сотрудников музея состоит в родственных отношениях, П.П. Петров дал обстоятельный ответ, как сложилось такое положение вещей, и аргументировал свое «ходатайство» к чиновникам не увольнять сотрудников музея, связанных родством.

Среди людей, связанных родством, в письме названа падчерица Петра Петровича Петрова. Художник музея Нина Петровна Кречетова была принята на работу за три года до написания письма. Сельскохозяйственным отделом музея с 1898 г. заведовал старший брат Владимира Робертовича Вильямса, соавтора письма в Главнауку и ученого секретаря музея. Василий Робертович, известный ученый и агроном, профессор и директор Сельскохозяйственной академии (МСХА им. К.А. Тимирязева)¹ в 1922–1925 гг., в 1923 г. уволился из музея, поэтому он не упомянут в письме. Тема родственных связей на работе, впервые поднятая запросом Главнауки, касалась не только лично авторов письма, но и важных основ внутренних взаимоотношений и принципов работы музея.

Политехнический музей был обязан своим появлением в 1872 г. инициативной группе ученых, большая часть из которых была профессорами Императорского московского университета, объединившимися несколькими годами ранее в Императорское общество любителей естественных наук (ИОЛЕАЭ). Общество сначала предложило и провело при поддержке меценатов и государственных чиновников масштабную Политехническую выставку в Москве в Кремлевских садах, а после ее закрытия настояло на создании Комитета по устройству постоянного Музея прикладных знаний при Московской городской думе. Комитет был общественной организацией, в которую входили ученые, предприниматели, управленцы. Комитет и созданное с годами по

¹ Названия высших учебных заведений и других институций неоднократно менялись на протяжении XX в. В тексте используются название институции, актуальное на время описанных событий, в скобках дано название, актуальное на 1931 г.

мере расширения музея Правление, состоявшее из директоров отделов и секретаря, работали на благо музея на общественных началах [12:8]. В члены Комитета и Правления с первых дней их существования приглашали по рекомендации, утверждение кандидатов происходило прямым голосованием. Известно больше одного случая, когда избирались родственники. Бухгалтером Комитета по устройству постоянного Музея прикладных знаний был избран фармацевт Владимир Карлович Зенгер, а секретарем – его брат, зоолог, Николай Карлович. На ответственную позицию казначея был приглашен Семен Иванович Лямин, сын одного из создателей Комитета, московского городского головы купца Ивана Артемьевича Лямина. Братья Вильямсы, Никитинские, отец и сын Зографы, отец и сын Репманы годами работали в музее, занимая значимые должности директоров отделов, хранителей, помощников, секретарей Правления. Мы не знаем, как в каждом отдельном случае происходила процедура приглашения на должность, но можем предположить, что принадлежность к той или иной семье выступала гарантией деловой репутации, работоспособности, уровня образования. В своем исследовании социальной мобильности пяти поколений французских крестьян Д. Берто, И. Берто-Вьям пришли к выводам, которые позволяют глубже понять причины выбора родственников на значимые должности в Политехническом музее. «Социальный статус мужчин семьи [...] зависел не от их профессионального статуса, а наоборот, их социальный наследуемый статус – положение в социальном пространстве и пространстве взаимных семейных статусов, позволял им осуществлять и развивать профессиональную деятельность» [1:140].

Д. Берто и И. Берто-Вьям предполагают, что социальный статус (в отличие от профессионального) – это атрибут семьи, а не индивида, и что он передается от одного члена семьи к другому через капитал социальных отношений (связи, репутацию). Объединенный социальный капитал нескольких московских образованных семей способствовал успеху публичного музея, посвященного современности. Родственники продолжали работать в музее до тех пор, пока семьи, частью которых они были, не начали терять свое влияние в обществе.

В письме П.П. Петров и В.Р. Вильямс сообщали, что в музее существовало 39 «случаев» родственных отношений. Из них только 21 – среди штатных сотрудников. Остальные 18 – в библиотеке и в «домоуправлении», в структуре НКП РСФСР. К 1927 г. и библиотека, и домоуправление вошли в состав музея, но директор подчеркнул их автономность, чтобы не объясняться с руководящей инстанцией по поводу 18 «случаев родства». Объяснения по поводу родственников начинаются с Н.П. Кречетовой, М.М. Лариковой, А.И. Гагариной, В.В. Репман. М.М. Ларикова – жена Р.В. Ларикова, который был членом Правления музея и заведующим отделом прикладной физики с 1922 г. Его жена с 1925 г. была помощником хранителя сельскохозяйственного отдела. Анастасия Иосифовна Гагарина второй год работала научным сотрудником отдела прикладной физики параллельно с работой в МИНХ им. Г.В. Плеханова. Она была женой брата члена Правления музея Н.Д. Гагарина, на «которого было возложено ведение финансовых дел» [12:17]. Вера Витальевна Репман была утверждена в должности научного сотрудника в 1920 г., и к 1927 г. работала, как и ее муж, Владимир Альбертович Репман, в техническом отделе музея, который возглавлял П.П. Петров. Владимир Альбертович был сыном А.Х. Репмана, «который занимал более 20-ти лет должность заведующего отделом прикладной физики» и умер в 1917 г. [12:19]. В.А. Репман практически вырос в музее, и старшее поколение сохраняло к нему теплые чувства, и поддерживало его в ходе дальнейших перипетий его судьбы. В 1918 г., когда НКП РСФСР создал Коллегию для управления музеем, на В.А. Репмана была возложена ответственная должность ее секретаря.

Сотрудницы, с которых начали объяснения «случаев родства», жили в служебных квартирах при музее, занимали значимые должности, и их кандидатуры были утверждены Главнаукой. П.П. Петров и В.Р. Вильямс перекладывали ответственность за их прием на работу и за принятие решения относительно их будущего на это ведомство. Фамилии и должности их мужчин-родственников, занимающих (или ранее занимавших) ответственные должности в музее, в письме не указаны. Видимо, предполагалось, что читатели письма из Главнауки знают, о ком

идет речь. «Социальный капитал» был использован мужчинами и женщинами из этих семей несколько иначе, чем родственниками на значимых должностях в музее до 1917 г. Все люди, получившие через семейные связи позиции в музее в 20-х гг., были на них назначены руководящим ведомством, а не избраны открытым голосованием коллег. Они были дочерьми или женами тех, кто их рекомендовал. До 1917 г. на значимые должности рекомендовали сыновей или братьев. Мужчины использовали свой социальный статус, рекомендуя женщин, которые, как правило, в семьях этого круга до 1917 г. не работали. Существенная часть сотрудников музея с высшим образованием, указывают в анкетных данных, что их матери были «домохозяйками».

Вторая часть письма посвящена машинисткам, лаборантам, служителям отделов, сторожам, швейцарам, кладовщикам, кассирам, уборщикам, дворникам, истопникам, – «младшим служителям, утвержденным в должности Правлением музея» [17:80]. Перечисление должностей показывает, что музей в своей повседневной работе в существенной степени опирался на семейные группы. В этой части «объяснены» 18 случаев. При объяснении названы имена и должности всех, а не только младших членов семей, как это наблюдалось в первой части письма. Семейные связи имелись у 43 человек – 20 женщин и 23 мужчин. В группе «младших служителей» прослеживается большее разнообразие отношений между рекомендованными на работу, и относительное равенство их статусов. Есть случаи, когда семья представлена только женщинами или только мужчинами. В 5 случаях члены семей занимали одинаковые должности (сын и отец – дворники; два брата – вахтеры; муж и жена – швейцары; сестра и брат – служители). Члены одной из семей имели разные должности, но одинаковую специализацию: две сестры работали в музее кассирами, а муж одной из них – счетоводом. Среди сотрудников на значимых должностях мы наблюдаем «перераспределение социального капитала» внутри семьи от более статусных и интегрированных в социальную жизнь членов семьи к менее статусным. Люди, работавшие на менее престижных должностях, совместно использовали семейные связи и навыки для выживания в непростое время. П.П. Петров подчеркивал в 7 случаях,

что родственники, «живут самостоятельной семьей», и напоминал проверяющим, «что определение на службу родственников «разрешалось законом, если они не находятся в подчинении друг к другу» [17:80 об].

К празднованию десятилетия советской власти был опубликован очерк П.П. Петрова об истории музея, в котором он упомянул с благодарностью несколько десятков «младших служащих» «прослуживших в Музее десятки лет, и которым Музей много обязан сохранностью своих коллекций» [12:20]. Их жены, свояченицы и дети продолжали дело глав своих семейств. У умершего к 1927 г. служащего отдела И.С. Семенова в музее трудились четыре представителя младшего поколения – двое детей с их супругами. Вместе с техником А.М.Мироновым (пришел в музей в 1897 г.) работали представители трех поколений семьи – жена его брата, ее дочь, внук и жена внука. Мы видим в письме еще двух «ветеранов» музея с их потомками. Авторы письма объясняют, что вынуждены были во время первой мировой и гражданских войн приглашать на должности «жен некоторых служащих, призванных на военную службу». Они «занимали их должности до их возвращения, а затем остались на службе, насколько это позволяют штаты музея, как уже зарекомендовавшие себя с хорошей стороны и знакомые с работой музея. [...] Некоторые из них, помогая отцам, получали известные навыки обращения с экспонатами; это давало возможность получить служащих, на которых можно полагаться для охраны, содержания в порядке и уместного участия в устройстве новых коллекций» [17:81]. В этих строчках читается беспокойство директора за сохранность коллекций. В революционное время с мародерством, воровством, массовыми миграциями нелегко было найти надежных людей на младшие должности. Обращение к уже связанным с музеем семьям было оправданным решением.

П.П. Петров и В.Р. Вильямс ясно и открыто выражали в письме свою позицию относительно совместной работы родственников: «Прием на службу родственников, давало семье больший заработок и этим привязывало их к музею более прочно. [...] Есть примеры, что в Музее в течение десятков лет служили последовательно члены семьи – дед – сын и внук. В музее образовались

семьи квалифицированных работников, привязанных к Музею и хорошо знакомых с музейным делом» [там же].

Письмо написано обстоятельно, с долей гордости за коллектив музея. Проявляя уважение к преданности сотрудников своим семьям и музею, заслуженные члены Правления выражали свое убеждение во взаимосвязанности профессионального и социального статусов. Родственные связи сотрудников в представлении авторов письма составляли для музея ценный ресурс. Правление обращалось к советским бюрократическим структурам, используя понятные им риторические приемы. В письме есть манипуляции с цифровыми данными. Подсчеты показали, что всего в родственных отношениях состояли 53 «значимых» и «младших» сотрудника музея, то есть более 18% от общего числа. Авторы письма считали не людей, а «случаи», то есть семьи целиком, и получили более низкий процент от общего числа служащих. Все усилия авторов письма были направлены на то, чтобы убедить Главнауку «не менять положение вещей».

П.П. Петров считал, что предложение Главнауки «принять меры» было вызвано «неожиданным» изменением взгляда на «сложившееся исторически положение вещей». Глядя на череду последующих событий из сегодняшнего дня, мы видим, что это письмо было первым проявлением курса на «пролетаризацию» и «окоммунизацию» музея. Этот курс был частью масштабных изменений в стране. Вскоре социальные капиталы музейных семей и их социальные статусы подверглись серьезной ревизии и разрушению. Через полтора года после обмена письмами о службе родственников, в октябре 1928 г., в СССР был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства. План предполагал применение жесткого администрирования для ускоренной индустриализации производства в городах, и для тотальной коллективизации крестьянских хозяйств в деревне. Переход к командно-административным методам решения задач пятилетки сопровождался смещением с постов и политическим преследованием старых специалистов, открытие освободившихся должностей для «выдвиженцев» из рабочих.

Первой вехой на пути дискредитации беспартийных специалистов было «Шахтинское дело». В мае 1928 г. начался пока-

зательный судебный процесс против горных инженеров в Шахтинском районе Донбасса. В результате были репрессированы и смещены с должностей сотни людей. Вскоре после начала широко освещавшихся в прессе судов над инженерами, в июле 1928 г., а затем в ноябре 1929 г. на пленумах ЦК ВКП(б) обсуждались реформы управления ВУЗами. Нужды индустриализации требовали упростить и ускорить подготовку специалистов для работы в промышленности. Горячие дискуссии на пленумах привели к принятию ЦИК и СНК СССР в январе-июле 1930 г. ряда постановлений по высшей школе. Для сближения «теоретического обучения» и «производственной практики» были урезаны учебные программы, время обучения сокращено до 2–3 лет, высшие учебные заведения стали специализироваться по отраслевому принципу, выборность ректоров, проректоров и деканов была упразднена [5]. Контроль над высшим техническим образованием был передан от относительно либерального и интеллигентного НКП СССР к промышленным наркоматам, которыми руководили старые большевики и выдвиженцы из демократических слоев. Преподаватели и выпускники Императорского высшего технического училища (МВТУ им. Н.Э. Баумана), Московского коммерческого института (МИНХ им. Г.В. Плеханова) внесли вклад в основание Политехнического музея и интенсивно работали в нем первые полвека его существования. Реформы управления высшего образования непосредственно влияли на атмосферу в коллективе музея.

Взаимоотношения студентов и преподавателей к началу 1930-х гг. существенно изменились по сравнению с дореволюционным периодом. Декрет СНК от 2 августа 1918 г. открыл возможность получения высшего образования для всех, в том числе для молодежи обоих полов из простых семей без специальной подготовки. Необходимость предъявлять дипломы или сдавать экзамены упразднилась. Для рабочих, командированных предприятиями для получения высшего образования, с сентября 1919 г. декретом СНК были организованы рабфаки. Там заполняли пробелы в образовании рабочих, готовя их к прохождению основной программы ВУЗов. Для преподавателей рабфаки были дополнительной и не слишком желанной нагрузкой. Вл. Р. Вильямс, отвечая в 1931 г.,

на вопрос об участии в общественной работе, говорил: «В Плехановском институте я был одним из активных работников по организации рабфака и этом рабфаке я работал бесплатно» [13:88 об]. С конца 1920-х гг. в высших учебных заведениях стало появляться все больше слабо подготовленных студентов-выдвиженцев. Одна из «окоммунизированных» сотрудниц музея с вызовом напоминала коллегам в 1931 г., что «партия...дает установку, чтобы учить рабочих и давать им возможность занимать соответствующие посты в промышленности и народном хозяйстве... партия послала 25 тысяч рабочих от станка в ВУЗы и ВТУЗы» [13:72 об]. Учить студентов «от станка» было не самым простым занятием. В.П. Ефремович, математик и заведующий научно-библиографическим отделом Политехнической библиотеки, так описывал свой опыт: «Мне попала страшная тяжелая группа. [...] Они были слишком заняты на работе [...] вроде бешеных, но не слишком успевали [в учебе]» [там же]. Политические процессы подрывали авторитет преподавателей ВУЗов, получивших образование до 1917 г. Падение уровня подготовки студентов и радикализация их политической позиции приводили к открытым конфликтам с профессорами. Отголоски этих конфликтов встречаются во внутренних документах музея.

Через несколько месяцев после лишения ВУЗов академической независимости, в ноябре-декабре 1930 г. прошла еще одна волна репрессий в среде научно-технической интеллигенции. Поводом послужил так называемый «процесс Промпартии». Из научных сотрудников музея был арестован В.А. Репман. По подозрению в участии в антисоветской деятельности был арестован и заведующий электротехнической лабораторией Политехнического музея профессор Борис Иванович Угримов. Б.И. Угримов был инженером-электротехником, заместителем председателя комиссии ГОЭЛРО и деканом факультета электротехники МИНХ им. Г.В. Плеханова. Его жена после его ареста продолжала работать в музее. Она в 1931 г. так ответила на непростой для нее вопрос об аресте мужа: «Полагаю, со студентами не поладил. [...] Для меня было неожиданностью узнать, что он участник Промпартии. [...] Полагаю, это вообще ошибка» [13:2 об]. Такое же мнение, но несколькими иными словами, выска-

звал и Вл.Р. Вильямс: «Когда я прочитал фамилию Угримова, я был крайне поражен, [...] потому что я с ним много работал по Плехановскому институту, он был у нас деканом факультета, и я за ним никаких вредительских моментов не замечал. [...] На политические темы мы не разговаривали, и его политического кредо я не знаю. Я не считаю его способным на это, я считаю его очень хорошим ученым и только, и был крайне поражен его участием во вредительстве. Считаю, что акты, которые выявились на процессе Промпатрии, это совершенно невозможная вещь, и я опять повторяю, что на момент голосования этого вопроса у нас здесь и, особенно в Плехановском институте, где масса профессоров была замешана во вредительстве, я голосовал за вынесением высшей меры наказания» [13:82 об]. Из слов Вл.Р. Вильямса следует, что он, несмотря на выражение лояльности властям, сомневается в причастности к Промпартии Б.И. Угримова. Такие же сомнения он высказывает относительно В.А. Репмана: «Я считаю, что Репман просто недалекий человек, и я думаю, что он просто не способен на вредительство. Когда я был здесь хранителем, его отец работал здесь, и он еще мальчишкой приходил и налаживал тут работу. С этой стороны я его знаю, как человека, который очень интересуется работой, но знаю его, как болтуна, который мелет языком, и я не считал его способным на какое-то вредительство...это простой человек, не способный на вредительство...Может быть, он не совсем настроен в положительную сторону по отношению к Советской власти, но я не считаю его вредителем» [13:80]. Повторы и сбивчивость в дословно записанной речи Вл.Р. Вильямса выдают его волнение при ответах на вопросы о репрессированных коллегах, особенно о В.А. Репмане, которого он знал с детства.

Хотя несколько человек, проходивших по делу Промпартии, были расстреляны, многие, в том числе Б.И. Угримов и В.А. Репман избежали этой участи. В июне 1931 г. И.В. Сталин на заседании хозяйственников осудил преследование старых специалистов, положив предел самым крайним проявлениям нового курса. Он, в частности, с характерной для него легкостью в отказе от еще накануне актуальных идей без каких-либо комментариев или извинений перед пострадавшими, сказал, что «спецеество

всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением» [14]. Осуждая «спецеество», И.В. Сталин говорил не только о политических преследованиях профессиональной интеллигенции. Он имел в виду и подогретую пропагандой травлю образованных беспартийных в повседневной жизни. Ш. Фицпатрик назвала в своей работе 2015 г. развернувшуюся в 1928–1930 гг. «борьбу радикально настроенной молодежи против... кулаков и священников в деревне, а в городах – беспартийных интеллигентов и специалистов» «культурной революцией» по аналогии с событиями в Китае в 1960-х гг [15:90]. Антиинтеллектуализм сталинской «культурной революции», политические публичные судебные процессы против научно-технических специалистов и сопровождавшая их компания в прессе не могли не сказаться на судьбе Политехнического музея.

В феврале 1927 г., за полгода до принятия первого пятилетнего плана, когда П.П. Петров и Вл.Р. Вильямс писали письмо в Главнауку, коллектив музея был достаточно независимой и сплоченной группой. Директор так характеризовал своих сотрудников: «до сих пор служащие музея всегда дорожили своей службой в Музее, и почти не бывало случаев, чтобы кто-нибудь из служащих покидал службу в Музее для перехода на другую службу» [17:89]. В этой фразе обращает на себя внимание многократное повторение слова «служба». В официальном письме Петру Петровичу было важно подчеркнуть добросовестное отношение музейного коллектива к своим обязанностям. Преданность учреждению и серьезное отношение к службе стало в годы первой пятилетки формой проявления лояльности государству. Частая смена места работы, как отмечает С. Коткин в книге «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация», была скрытым проявлением социального протеста [8]. В очерке по истории музея директор, вспоминая о первых годах советской власти, писал: «все хорошо понимали трудность переживаемого государством положения, и все добросовестно выполняли свои обязанности по отношению к учреждению [...] Работа шла дружно и согласованно старшего и младшего служебного персонала, взаимно делалось все для того, чтобы легче переживать тяжелые условия. Можно вспомнить с чувством искреннего удовольствия добрые взаимоотно-

шения между товарищами по работе; все берегли Институт², как свое родное учреждение» [12:13]. В этих строчках П.П. Петров говорит о музее, используя слова из смыслового поля родственных отношений: «старшие и младшие служащие», «родное учреждение».

Жизнь П. П. Петрова прошла в служении музею. Он пришел на должность хранителя технических коллекций через год после его основания, в 1873 г. В 1903 г. стал председателем коллегиального Правления музея. После 1918 г. его должность стала называться «директор». Его падчерица Н.П. Кречетова летом 1931 г. в официальном письме подробно перечислила заслуги отчима перед советской властью: «Строитель Музея, в течении 56 лет в нем работавший по просвещению народных масс, получивший по постановлению ВЦИК звание Героя Труда и заслуженного деятеля Науки и Техники, работавший свыше 50 лет в Высш. Техническом училище, человек, создавший вместе с товарищем Никифоровым и др. товарищами ЦИТИ³, не смотря на то, что силы его уже были надорваны смертельной болезнью, человека по первому призыву советского правительства отдавшего свои знания и силы социалистическому строительству /Главтекстиль, Госплан/, человека, которого глубоко уважали и тов. Крупская, и т. Менжинская /по Главпрофобру/ и все честные Партийцы, когда-либо работавшие с ним»⁴ [6:2 об].

В январе 1928 г. НКП РСФСР дал положительный ответ на просьбу П.П. Петрова освободить его от должности директора музея по болезни. 9 октября 1928 г. 78-летний директор умер. Смерть Петра Петровича положила конец независимости музея и сплоченности его коллектива. Вскоре после смерти директора научно-технический сотрудник и экскурсовод сельскохозяйственного отдела М.А. Павлов обвинил его в злоупотреблении служебным положением: «музей держал на службе в лаборатории доктора, исключительно для того, чтобы лечить директора» [там же].

² После национализации Политехнического музея НКП РСФСР он в 1918–1922 гг. назывался Центральный Институт Политехнических знаний, с 1922 – Государственный Политехнический Музей (ГПМ).

³ Центральный институт технической информации

⁴ В цитируемом тексте письма сохранены сокращения и орфография автора.

Доктор В.А. Вейсброд был в 20-ых гг. научным сотрудником технического отдела музея, так как его специальностью была охраной труда и профессиональные заболевания рабочих. Лечение сотрудников музея не входило в его обязанности. Н.П. Кречетова с возмущением обращала внимание М.А. Павлова на то, что В.А. Вейсброд не только «лечил директора», но, «по первому призыву бесплатно всех технических служителей и служащих музея и членов их семей даже и после того, как он был сокращен» [там же].

За месяц до начала судебных процессов Шахтинского дела, и за несколько месяцев до смерти П.П. Петрова, 8 апреля 1928 г. в «Рабочей газете», издании ЦК ВКП(б), выходившем тиражом более 300 тыс. экземпляров, была опубликована заметка «Музей родственников». П.П. Петров был уже болен и передал дела другому члену правления, Р.В. Ларикову. Заметку написал детский писатель К.А. Минаев, но помогал ему в этом «его знакомый, сотрудник музея». Атмосфера доносов, взаимных обвинений и мелочных дрызг уже начала разрушать среду сотрудников музея.

Опубликованная в газете заметка заслуживает внимания как характерный документ времени. Ее автор, Константин Андреевич Минаев, в конце 20-ых гг. публиковал свои книги огромными тиражами, и был членом Российской ассоциации рабочих писателей (РАПП). Это писательское объединение под руководством Л.Л. Авербаха было в тот момент «ударной силой» «культурной революции». При негласном одобрении политического руководства страны они осуждали и обличали беспартийных интеллигентов в писательской среде. Л.Л. Авербах, создатель этой заметной группы, был связан родственными отношениями с новой советской элитой. Он был племянником Я.М. Свердлова, деверем руководителя ОГПУ Г.Г. Ягоды, и зятем В. Д. Бонч-Бруевича. [4; 15:504]. Этот «социальный капитал» использовался для усиления влияния РАППа.

В фельетоне К.А. Минаева, изображен посетитель музея, которому экскурсовод, возможно, тот самый, что позже сомневался в порядочности П.П. Петрова, «по знакомству» обещал показать «редкостные никому не известные экспонаты». Этими «экспонатами» оказались сотрудники музея, связанные родством: «Ни в

одном учреждении СССР нет такого гнезда родственников как у нас, в нашем музее. Поэтому мы чрезвычайно бережно, во имя истории, охраняем наши экспонаты. [...] Вот главный экспонат, наш уважаемый директор» [11]. Далее следует подробное перечисление имен и фамилий в порядке убывания по служебной иерархии – «секретарь месткома», «сотрудники и прочие служащие», «менее интересные экземпляры», то есть технические работники. Фельетонист указал музею на его место среди других советских учреждений, а его сотрудникам напомнил о возрастающей значимости служебной субординации. Читателей заметка «интриговала» беспронизышным журналистским приемом оглашения информации, известной до появления публикации только «своим». Руководство музея, судя по письму в Главнауку 1927 г., открыто сообщало официальным лицам фамилии и должности сотрудников-родственников, давая подробные объяснения по каждому из них. Автор газетного материала в погоне за эффектом разоблачал тайну, которую не пытались скрывать. Поименное перечисление родственников в газетной заметке, благодаря пафосу разоблачения, приобрело привкус доноса.

В основе сюжета фельетона – метонимия «сотрудники = экспонаты», уничижительное помещение живых людей, сотрудников музея, в один ряд с музейными объектами. И коллекции музея, и люди, которые с ними работали, казались надменному носителю «передовой» советской идеологии безнадежно «отставшими от жизни». Этот риторический ход оказался удачной находкой. Тремя годами позже ревностные поборники нового на публичном собеседовании бросили в адрес шестидесятивосьмилетнего З.И. Иванова вот такую фразу: «вы для музея являетесь как бы архаической древностью» [13:34]. Зиновий Иванович Иванов был хранителем архитектурно-строительного отдела музея с 1898 г, в 1927–1931 гг. заведовал строительным отделением архитектурного отдела. Преподавал и практиковал как архитектор и реставратор, в частности, участвовал в проектировании Большой аудитории музея. В 1927 г. работал в отделе сооружений Моссовета. Зиновий Иванович был глубоко задет «метафорой», и в присутствии нескольких десятков коллег не сразу смог подобрать слова для ответа.

Грубые выпады члена РАППа против смешения родственных и служебных отношений в музее в свете того, что сегодня известно о роли семейных связей руководителя этой группы Л.Л. Авербаха в его собственной карьере, выглядят противоречиво и лицемерно. К 1931 г. влияние РАППа стало ослабевать, а через пять лет руководитель группы, его родственники и его сподвижники, включая и К.А. Минаева, сами стали объектом политических преследований.

Вскоре после публикации фельетона и смерти П.П. Петрова музей возглавил Я.М. Юровский, который в июле 1918 г. руководил расстрелом Николая II и его семьи в Екатеринбурге. «В конце 1928 г. проведено обследование Бауманским ВКП(б) и смена руководства [...] [назначены] рабочие-коммунисты Юровский, Русинов, Березин [...] и Политехнический музей стал превращаться в новый советский технoэкономический музей, поставив себе задачу пропаганды социалистического строительства [...] потребовались решительные революционные действия к этому отставшему от революции культурному участку» [10:1 об].

Заместителем Я.М. Юровского был назначен тридцатилетний Николай Андреевич Русинов. Он происходил из города Богородск Нижегородской области, нигде не учился. До войны успел поработать мальчиком в частной конторе. В 19 лет попал на германскую войну рядовым, перешел на сторону восставших, в 1919 г. вступил в ВКП(б) и с этого времени работал в Красной армии инструктором политотделов разного уровня. С 1923 г. и до назначения в Политехнический музей работал проректором по хозяйственной части Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. Во время гражданской войны инструкторами политотделов фронтов работали почти все без исключения члены «команды Сталина» и их жены. Именно эти люди в начале 30-ых гг. руководили преобразованием промышленности, коллективизацией, реформировали ВУЗы [15]. Карьерная траектория «самоучки» и политрука Красной армии Н.А. Русинова характерна для партийного функционера тех лет. Он покинул свою должность в музее в марте 1932 г. ради стажировки в Коммунистической академии. Александру Давидовичу Березину, второму лицу, получившему поручение реформировать Политехнический музей, в 1929 г.

было 24 года. Его биография позволяет говорить о нем, как о типичном «выдвиженце». Сын еврея-рыбака из города Невеля Псковской области, работал в Невеле, а потом в Москве на заводе №1 Осоавиахима рабочим деревообработчиком около шести лет. Нигде не учился. В ВКП(б) он вступил за два года до появления в музее, в 1926 г. После этого он оставил работу на заводе, и стал заведовать районным клубом РК ВЛКСМ. Проработав недолго методистом по культурно-просветительской работе, он стал членом Правления музея, и помощником директора. Он покинул музей в 1931 г., на полгода раньше Н.А. Русинова.

Придя в музей в 1928 г. молодые советские функционеры так сформулировали направления приложения своих усилий: «Музей до последнего времени оставался в большей мере хранилищем научных ценностей, чем местом пропаганды за новые технические знания. [...] До самого последнего времени в музее немало старых традиций прошлого, аполитичности в среде сотрудников, отсутствие классовой чуткости и осознания требований современности. [...] Аполитичность, семейственность, расхлябанность, отсутствие четкой идеологической линии, академическая замкнутость – замедлили рост музея в направлении использовании его широкими рабочими массами» [10:2]. Документ выдержан в русле жесткой критики «старорежимных методов работы». В особенно концентрированной форме эта риторика была развернута в декабре 1930 г. на Всероссийском музейном съезде. От музеев, как от советских учреждений, требовали модернизации, эффективности, и «отказа от прошлого».

Преодоление «отсталости» Политехнического музея «рабочие-коммунисты» начали с реформирования сложившейся исторически структуры этой институции и принципов управления ей. «Пять отделов, организованных по академическому признаку (технический, архитектурно-строительный, прикладной физики, прикладной зоологии и сельскохозяйственный) были реорганизованы по производственному признаку в два сектора – фабрично-заводской и сельскохозяйственный. За пропаганду и просвещение отвечал «общий отдел»» [10:3]. Укрупнение субъектов управления внутри музея было, согласно декларациям, продиктовано «уточнением функций отдельных секторов, частей и сотрудников» и

«борьбой с академической замкнутостью» [там же]. Объединение в три сектора нескольких подразделений быстро растущего музея, вело, скорее, к «размыванию», чем к «уточнению» функций сотрудников. На деле укрупнение отделов способствовало централизации и концентрации власти в руках нового директора и его заместителей.

Ученый секретарь музея Вл.Р. Вильямс с первых и до последних дней совместной работы проявлял лояльность новому руководству: «Я считаю, что [...] никакого спецедедства не было. Действительно, Юровский пришел сюда и сделал много хорошего. Он поставил наш музей на совершенно новые рельсы» [13:83–83 об]. Комментируя изменения структуры музея, ученый секретарь замечал, что до начала преобразований несколько исторически сложившихся отделов пользовались, возможно, слишком большой независимостью. «Некоторые из наших секторов были самостийны, например, наш строительный отдел, наш промысловый отдел, потому что эти разделы вышли из наших специальных отделов [...] там были свои заведующие, им предоставлялась известная автономия». [13:88]. Критика руководителей отдельных подразделений только подчеркивала верность Владимира Робертовича принципам коллективного принятия решений, на основании которых десятилетиями строилась работа музея. Он возражал против излишней концентрации власти в руках директора и его заместителей: «Я думаю, что и впредь линия организации работы должна идти через коллективное обсуждение всего сектора в целом» [там же].

Совместное принятие решений, независимость директоров отделов музея до 1918 г., и свободная выборность этих должностей обеспечивалась финансовой автономией музея от государства. П.П. Петров вспоминал: «Все, что удалось сделать, представляло собой дело частных усилий небольшого числа людей, бескорыстно трудившихся по убеждению делу просвещения народных масс. Государство отпускало на содержание Музея очень небольшие средства, да и те приходилось получать с трудом, тяжелым путем ходатайств о субсидиях. [...] Штат оплачиваемых работников был ничтожный. [...] Директора Отделов, Члены Комитета работали бесплатно» [12:8].

У музея до 1918 г. была горизонтально распределенная структура: отделов (и их директоров, входивших в Правление) было больше, а сотрудников в каждом из отделов – меньше. В отчете, написанном к 25-летию музея в 1895 г., упоминаются 43 неоплачиваемых сотрудника и 32 – оплачиваемых. Правление самостоятельно управляло музейными финансами, изобретало новые способы добычи средств для музейных нужд. Музей был собственником здания на Лубянке, некоторые сотрудники после завершения постройки левого и правого крыльев здания в 1906 г. получили в нем служебные квартиры. Жизнь под одной крышей укрепляла связи людей с музеем, друг с другом, и придавало сообществу стабильность. Работа «младших служащих» оплачивалась из капитала, полученного от сдачи помещений в здании музея внаем, от продажи билетов на лекции и на осмотр экспозиций.

Иван Павлович Машков был в 1931 г. заведующим архитектурно-строительным отделом, руководителем З.И. Иванова, и был одним из тех, кто раздражал новое руководство музея своей независимостью. Он так вспоминал о прежних годах музея: «Управление было коллегиальное из представителей разных организаций, должности были выборные, денег было мало, правительство давало только 18 тысяч, нас поддерживали научные и общественные организации. [...] Я работаю здесь уже 41 год, при мне строились два крыла. Я чрезвычайно благодарен Политехническому музею, он меня воспитал. Это единственное учреждение в России не казенное. [...] Музей всегда был передовым и на замечении» [13:30 об.–31].

Члены Правления с первых дней существования музея выполняли свои обязанности по сбору коллекций и их представлению публике параллельно с академическими занятиями – исследованиями, защитой квалификаций, чтением лекций. З. И. Иванов вспоминал: «Я деньги получал в другом месте, чтобы работать в музее» [13:34]. Работа в «передовом» публичном музее, несмотря на все тяготы, была статусной и приносила дополнительный «социальный капитал».

Успешность деятельности музея, вплоть до конца 1920-х гг. обеспечивалась живостью и многообразием наработанных года-

ми связей сотрудников музея с научными и производственными учреждениями. П.П. Петров, Вл.Р. Вильямс, Б.И. Угримов, подтвердили свой профессорский статус во время всесоюзного конкурса 1922 г., и работали в ВУЗах. З.И. Иванов и П.И. Машков работали в градостроительном отделе Моссовета. Молодой сотрудник строительного отдела Ю.Н. Кивокурцев в 1931 г. так оценивал работу З.И. Иванова и П.М. Машкова: «Они служат в нескольких учреждениях и работают в музее, потому что это их интересует [...] Машков и Иванов большие специалисты, правда, узкие специалисты, но у них очень большие связи и громадное знакомство и это главное, что у них ценно» [13: 116]. З.И. Иванов рассказывал о том, как его связи служили музею: «Мы хотели повернуться лицом к производству, но у нас не было средств. У отдела была два раздела – архитектурно-проектировочный и строительный, я работал в строительном... Мы брали проекты и материалы у знакомых учреждений. Председатель: – Как это у знакомых? – Просишь и дадут» [13:74].

До конца 1920-ых гг. естественным способом связи музейного коллектива с профессиональными средами было приглашение на работу студентов, рекомендованных профессорами, членами Правления. Личное приглашение на работу способных студентов не только помогало им в карьере, но и укрепляло и усиливало музейное сообщество. Так пришли в музей и сам Петр Петрович Петров, и Владимир Робертович Вильямс. Химик-технолог П.П. Петров был одним из первых выпускников Императорского высшего технического училища, студентом профессора И.П. Архипова. Профессор И.П. Архипов был не только активным членом ИОЛЕАЭ, но и одним из организаторов Политехнической выставки в Москве, и самого музея. Он оставался директором технического отдела музея до своей смерти в 1897 г. Владимир Робертович Вильямс, инженер-химик, был в свою очередь студентом П.П. Петрова. Он был приглашен в музей сразу после окончания ИВТУ (в год смерти И.П.Архипова) для организации отдела новостей при техническом отделе, а в 1898 г. стал хранителем этого отдела, заняв место П.П. Петрова, который стал директором отдела. С 1903 г. Вл.Р. Вильямс был ученым секретарем музея, и членом Правления. В беспокойные годы реформ 1930-х гг.

его несколько раз перемещали с одной должности на другую. Но он оставался на работе в музее дольше многих, и ушел на пенсию с должности заведующего отделом топлива в 1953 г. Николай Николаевич Хотчинский заведовал в 1931 г. сельскохозяйственным отделом. Он был агрохимиком. В 1912–1918 гг. учился на естественном отделении МГУ, а в 1918–1923 гг. – в Сельскохозяйственной академии (МСХА им. К.А. Тимирязева), где работал на селекционной станции академии под руководством Д.Л. Рудзинского, ассистента профессора Вас.Р. Вильямса. Профессор в 1918 г. пригласил Н.Н. Хотчинского в музей, и он с годами занял его должность заведующего отделом. Николай Николаевич с короткими перерывами оставался на этой должности до декабря 1941 г., когда ушел в ополчение и вскоре погиб на фронте. Инженер-химик Н. В. Шейнина-Ургимова была выпускницей МИНХ им. Г. В. Плеханова, где, в том числе, преподавал П.П. Петров. Она сообщает новому руководству музея: «Меня рекомендовал профессор Петров, я была его ученица».[13:2 об]. С 1925 г. в строительном отделе работал внештатно девятнадцатилетний Ю.П. Кивокурцев, младший внук Н.Ю. Зографа, директора отдела прикладной зоологии музея (1908–1919). В 1929 г. Юрий Петрович закончил учебу и получил штатную должность научного сотрудника, так как был «направлен в музей Первым МГУ после архитектурного и музейного отделения». [13:114]. В музее работали три поколения семьи Кивокурцевых-Зографов, дед, сын и внук. Возможно, именно их имел в виду П.П. Петров, когда с гордостью писал в Главнауку о «семьях квалифицированных работников», служивших музеею десятками лет. Направлению Юрия в музей предшествовало ходатайства перед кафедрой хорошего знакомого его отца и деда, заведующего архитектурно-строительным отделом И.П. Машкова. После ухода И.П. Машкова от дел, Ю.П. Кивокурцев недолго заведовал отделом. В зоологическом и архитектурно-строительном отделе на момент начала «орабочивания» музея было больше всего сотрудников, «социальный капитал» которых составляли профессиональные связи, обеспеченные не только личными карьерными достижениями, но и репутацией их семей. Они проявляли больше независимости внутри музея. Эти отделы вскоре были реорганизованы, сотрудники радикально сокращены.

Распад исторической структуры музея и пролетаризация его сотрудников началась задолго до прихода «рабочих-коммунистов» на руководящие должности. Материальные сложности времен гражданской войны сделали музей более зависимым от государства. П.П. Петров вспоминал о событиях тех лет такими словами: «Период 20–22 г. был тяжелым для Института⁵ в материальном отношении, как и для многих сродных учреждений; приходилось зябнуть и нуждаться в пищевых продуктах. Недосток топлива был так велик, что Музей и его аудитории не отапливались, и даже некоторое время аудитории были закрыты для пользования [...] Для питания служащих в Институте была устроена столовая, получавшая продукты от снабженческого Отдела НКП, что спасло от голода служащих Института. Особенно тяжело отразилось на здании Института недостаток ремонта: пострадала отопительная сеть, начала давать течь крыша» [12:12]. Научные и общественные организации, поддерживавшие музей до революции, перестали существовать. Здание музея было национализировано, и доход от сдачи помещений в аренду перестал поступать.

Н.Н. Хотчинский вспоминал, что, приступив к работе в 1918 г., «работал сдельно», пока в 1921 г. «в музее не открылся штат» [13: 130]. Введение в музее штатного расписания и оплачиваемых государством ставок обеспечило сотрудникам музея относительную регулярность выплаты заработной платы, но, одновременно лишило их особого статуса. Музей больше не мог гордиться тем, что он «не казенное учреждение». Его сотрудники влились в ряды служащих в системе организаций НКП РСФСР.

Субординация, разряды категорий оплаты труда, система должностей выстраивалась постепенно. Летом 1922 г. СНК принял «Положение о высших учебных заведениях», согласно которому «научно-преподавательские кадры делились на три категории: профессора..., преподаватели... и научные сотрудники» [5]. «До этого не было научных сотрудников, только директора отделов и хранители», – вспоминал Н.Н. Хотчинский. После 1922 г. при музее был организован ряд исследовательских лабораторий, «выпустивших самостоятельные труды»: агрохимическая,

⁵ См. ссылку 3.

электро- и термоизмерительная, теххимическая. Направления исследований лабораторий совпадали со сферой профессиональных интересов ведущих сотрудников музея, Вас.Р. Вильямса, П.П. Петрова, Б.И. Угримова.

Большая часть научных сотрудников музея были заняты не столько работой в лабораториях, сколько приемом новых коллекций. Вл.Р. Вильямс вспоминал об этом периоде: «работа велась, в основном, по накоплению имущества от разных фондов...получили материалы, которые сейчас выставлены» [13:78]. В отчете к десятилетию работы музея при советской власти Вл.Р. Вильямс писал, за 10 лет общее число экспонатов увеличилось на 21 тыс. штук, то есть на одну треть. [2:50]. В эти годы в музей поступили предметы из упраздненного музея Строгановского училища, со Свето-технической и Радиовыставки, которые прошли в стенах музея, Показательной выставки ВСНХ, которая проходила в Петровском Пассаже, «от М.И. Калинина». В 1923 г. в музей была передана библиотека ИОЛЕАЭ. Разрастание музея требовало привлечь больше образованных людей, готовых на исполнение монотонной работы по разбору вновь поступивших предметов, составлению карточек, реестров и выполнению другой необходимой бумажной работы. Ученица П.П. Петрова Наталья Вячеславовна Шейнина-Угримова была приглашена им в 1923 г. для «разбора коллекции интендантского сукна». Она так описывала свои обязанности: «на мне лежала инвентаризация, записи, размещение. [...] Я приезжала в музей в 9 утра и уезжала в 11–12 вечера, написала ряд стандартов, методик и этой научной работой заполняла свое время» [13: 8]. В военном 1916 г. в музее числилось «8 человек научного персонала». По свидетельству П.П.Петрова, в 1928 г. в музее было 75 научных и научно-технических сотрудников, общее число служащих возросло более чем в 10 раз и составило 188 человек [13:18]. В 1931 г. новое руководство музея отчитывается о 88 научных и научно-технических работниках из 286 человек занятых в музее [10:12]. При новом руководстве рост штата продолжался. Такую группу уже трудно было бы воспринимать как семью, как это делал П.П. Петров.

Работа «научных сотрудников» в музее, описанная Н.В. Шейниной-Угримовой хоть и была «умственной», а не «физической»,

все в большей степени напоминала работу служащих. Немецкий критик левых убеждений З. Кракауэр в эссе «Служащие. Из жизни современной Германии», написанном в 1930 г., настаивал на том, что служащие в современных ему обществах – это «новый пролетариат» [9:14]. З. Кракауэр заметил, что работа служащих механистична, мало индивидуализирована. Им крайне сложно отстаивать свои права, и сохранять свое достоинство, так как для работодателя каждый из них взаимозаменяем [9:13]. Комментарии З. Кракауэра показывают, что пролетаризация «умственного» труда происходила не только в Советской России.

В музейных документах 1931 г. есть обзор «социального происхождения» сотрудников музея: «рабочих – 33, крестьян – 134, служащих – 57, кустарей – 4, духовного звания – 3, дворян – 19» [10:12]. Несмотря на все усилия по «орабочиванию» коллектива музея, пролетарским происхождением могли гордиться всего 33 человека из 286. Одно из замечаний И.П. Машкова проясняет возможную причину относительно небольшого числа людей пролетарского происхождения в штате: «сотрудник получает меньше, чем десятник на стройке...мы не можем пополнить отдел знающими людьми» [13:32].

Пролетаризация коллектива музея происходила не столько на уровне замещения старых специалистов людьми, происходившими из пролетарской среды, сколько на уровне изменения сущности работы и отношения к ней. Сотрудники-служащие вынуждены были начать думать о своей работе на языке цифр отчетов. Этот процесс был неизбежным следствием все большей зависимости музея от государства, формализации отношений внутри музея, общего роста числа сотрудников.

Новое руководство ускорило преобразование сотрудников музея в служащих, заменив на новых людей тех из них, кто привык работать в менее формальной обстановке, имел обширные связи вне музейных стен. Существенная часть новых сотрудников были наняты через биржу труда. «Взята решительная линия на обновление личного состава работников (состав сотрудников обновлен на 70%), на орабочивание и окоммунизирование аппарата и привлечение выдвиженцев. [...] За год уволено 190 чел, принято 171[...] Текучесть закономерна в условиях перестрой-

ки музея» [10:1]. Посредничество биржи труда исключало «знакомство», «связи», которые давали людям определенную долю независимости от «казенных» структур. Отношения внутри коллектива нанятых сотрудников-служащих регулировались административной вертикалью и подконтрольным советской власти Комитетом служащих – Месткомом.

Пролетаризация музея проявилась не только в обновлении принципов управления людьми, но и в изменении подхода к управлению музейным зданием. В 1923 г. был впервые поставлен вопрос об электрификации залов музея. «Стараниями заведующего отделом прикладной физики» первым получил электрическое освещение этот отдел. Отдел начал работать по вечерам дважды в неделю, «открыв возможность рабочим и служащим, занятым днем, знакомиться с собранием» [12:15]. Хотя технический план электрификации залов был разработан уже в середине 20-х гг., его реализация откладывалась из-за недофинансирования. План был полностью осуществлен к 1929 г., и новое руководство воспользовалось ситуацией, чтобы удлинить рабочий день сотрудников. Коллектив музея вынужден был принять решение «на удлинение рабочего дня и распространение займов индустриализации» [10:4]. «Подписка» на «займы индустриализации», отказ от которой мог привести к обвинениям в нелояльности власти, на практике означала, что сотрудник давал добровольное согласие на то, что в конце рабочего периода получит половину или меньшую часть платы за работу. «Удлинение рабочего дня» сопровождалась жесткими наказаниями за неизбежные опоздания. Применение электричества для более современной репрезентации экспозиций косвенно способствовала ухудшению условий работы служащих в музее людей.

В годы «новой экономической политики» музей вновь получил в управление те помещения, которые до 1917 г. сдавались внаем торговым фирмам для получения дополнительного дохода, который использовался для музейных нужд. С 1922 г. эти помещения снова сдавались, и доход был использован, в частности, для создания исследовательских лабораторий и для увеличения заработной платы сотрудников. После смерти П.П. Петрова новое руководство прекратило практику сдачи в наем помещений

музея, лишив свое учреждение дополнительных источников дохода. Освободившееся пространство предполагалось, в основном, занять обновленными экспозициями отделов.

С 1906 г. часть сотрудников жили в служебных квартирах в здании музея по адресу Китайгородский проезд $\frac{3}{4}$. В качестве квартир «были использованы полуподвальные помещения центрального здания, затем часть пассажа, флигеля во дворе правого крыла» [12:21]. В Москве 20-х гг., после начала массового переселения крестьян из деревень, «квартирный вопрос» стоял острее других. В конце 20-х гг. музей надстроил третьи этажи над флигелями во дворе, «улучшив положение с квартирами» для быстро растущего «штата» сотрудников. Новое руководство не торопилось, вопреки требованиям пожарной охраны, «удалять жилые помещения из здания Музея», и использовало раздачу и перераспределение квартир как дополнительный ресурс для укрепления своей власти над людьми.

Состояние экспозиций было оценено новыми руководителями в таких выражениях: «Посетители жаждут увидеть новейшие достижения техники, а им показывают старые макеты и модели, зачастую под стеклянным колпаком,... к старой дореволюционной экспонатуре прибавлялось как поправка, как корректив, новые щиты и рамки по отражению современности...получился разноречивый не только в художественном оформлении музея» [10:2 об.]. Обновленный штат сотрудников начал перемещение отделов, перестройку залов, была намечена замена этикеток, напечатанных по старым нормам орфографии. Н.Н. Хотчинский так определял направление перемен в экспозиции вверенного ему сельскохозяйственного отдела: «После ухода Петрова были выставлены моменты социально-экономические. [...] Раньше основное для музея было выявление техники [...] построение было на естественноисторической базе» [13:130].

Несмотря на энергичные усилия по модернизации музея, не все шло гладко. В строительном отделе так и не сменили «300 надписей на старом языке», то есть этикетки, написанные по нормам старой орфографии. Причины заведующий отделом И.П. Машков объяснял так: «Нет сотрудников. [...] На весь отдел один сотрудник технический, а остальные женщины. Они аккуратно исполняют свои служебные обязанности, но лезть куда-то наверх они

не могут» [13:30 об.]. Сотрудник отдела прикладной зоологии, ответственный за коллекцию рыбоводства, поступившую после закрытия Сельскохозяйственной выставки в 1923 г., С.В. Тейс критически оценивал усилия по усовершенствованию экспозиций. Он считал, что возведенные при новом руководстве с большими затратами витрины, мало впечатляли посетителей музея без пояснений экскурсоводов: «То, что считают нужным гордиться, дорого стоит, а потом – сегодня построили, завтра сносим. [...] Изучаю, как ведет себя зритель. [...] Наши постройки проходят незаметно» [13:27]. И.А. Андреев, «подмастерье-столяр при зоологическом отделе с 1906 г.», сетовал на избыток работы из-за спонтанности решений руководства и отсутствия единого плана: «Работа меня удовлетворяет. Недостатки такие – тяжесть ложится на мои плечи, перестановки, развешивания. Нет плана» [13:140]. В перестраивающемся музее появлялись растратчики. М.Н. Федоров, 21-летний младший десятник, предъявил при трудоустройстве не только фальшивый трудовой список и комсомольский билет, но и подделал денежные документы в конторе Московского областного совета профессиональных союзов, о чем музей вынужден сообщить в прокуратуру [13:40].

По утвердившейся в те годы тенденции сложности в работе музея не принято было объяснять поспешностью и непродуманностью реформ, отсутствием у нового руководства ясного плана или способностей к их осуществлению. Удобную возможность переложить ответственность за неудачи в перестройке музея с решений руководства на отдельных сотрудников предоставила развернутая государством в 1929–1931 гг. компания по «генеральной чистке аппаратов советских учреждений».

Еще в апреле 1928 г. К.А. Минаев закончил фельетон с обличением старых сотрудников музея строчкой с сожалением о том, что об «экзотических экспонатах музея» «так мало знает РКИ». Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ СССР), в январе 1929 г. издал циркуляр «О проверке личного состава советского аппарата», открыв этим документом «чистки» в центральных и региональных учреждениях, включая все основные Наркоматы и их подразделения, в том числе и учреждения НКП РСФСР [7:64]. Согласно официальной «установке», «проверки аппарата» должны были улучшить работу всех советских уч-

реждений, штаты которых планировалось «очистить» от тех, кто работал не по профилю или работал недостаточно старательно. Для выявления неподходящих сотрудников комиссии по чистке проводили открытые собрания, посетить которые могли все желающие. Вопросы для публичных собеседований и «категории», по которым производились увольнения, определялись единой инструкцией НК РКИ, за результаты отвечала Центральная комиссия по чистке советского аппарата. Формулировки инструкции были приняты после долгих обсуждений и достаточно размыты, однако в обстановке тех лет они влияли на судьбы людей. Так, увольнение по «первой категории» означало отсутствие выходного пособия и пособия по безработице, а также невозможность работать в любом советском учреждении. «Нередко она была сопряжена с душевными и моральными травмами людей. [...] Чистку государственного аппарата сопровождали эпизоды суицида» [7:70]. К весне 1931 г. чистки стали сворачиваться, не только из-за выступления И.В. Сталина с осуждением «спецедства», но и из-за спада общественного интереса. Стало очевидно, что уволенные сотрудники переходят на работу в другие места, и чистки не ведут к сокращению аппарата учреждений, а скорее усиливают «текучку», то есть нестабильность и неэффективность работы.

В Политехнический музей комиссия по чистке пришла 15 января 1931 г., на излете общегосударственной компании. «Комиссия по чистке аппарата ГПМ», согласно единой для всех учреждений инструкции НК РКИ, включала 12 человек – представителей нескольких ведомств и «носителей пролетарского инстинкта». Документы упоминают, в том числе, «представителя НК РКИ РСФСР т. Шилова; трех работниц шефствующей над музеем фабрики Красная Роза»; четырех работников с завода Леспе; руководство партийного комитета и дирекции ГПМ, «тт. Касимовского, Русинова, Березина»; по одному представителю Месткома музея и сектора науки НКП РСФСР. На помощь регулярно работавшим членам комиссии для проверки отдельных частей музея привлекались представители ВСНХ, Московского областного совета профсоюзов, счетные работники из Отчетно-ревизионного управления ВСНХ СССР, сотрудники Ленинской библиотеки, представители подшефной школы и общественный

актив сотрудников. Среди общественного актива сотрудников, задавших вопросы своим коллегам на собеседованиях, документы упоминают также 12 человек. Самую большую активность проявляли члены комиссии А.Д. Березин, Н.А. Русинов, новый помощник заведующего библиотекой, бывший рабочий-печатник Д.Д. Косимовский, технический сотрудник отдела физики и председатель Месткома И.Д. Шаляпин. Все четверо активистов были членами ВКП(б). Д.Д. Косимовский и И.Д. Шаляпин проработали в музее дольше А.Д. Березина и Н.А. Русинова, и после «чистки» быстро продвигались по службе.

В качестве слушателей на чистках присутствовали, согласно официальным документам, 100-150 человек, то есть чуть меньше половины «штата». Мероприятия чисток длились до марта 1931 г., за это время силами сотрудников были выпущены четыре номера специальной стенгазеты. Люди, ставшие героями критических заметок, восприняли это болезненно, и возмущенно комментировали их в ходе собеседований: «так относиться друг к другу вредно» [13:103], «меня поймали на слове» [13:72]. Критика в стенгазете для трех сотрудников закончилась «снятием со службы по третьей категории», то есть с выводом о «нецелесообразности использования в дальнейшем на ответственных должностях, [...] но которым может быть предоставлена работа технического характера в этих или других учреждениях» [7:66].

Язвительные заметки в стенгазете и враждебные «вопросы из зала» в ходе публичных собраний по чистке были инициированы новым руководством музея, но писали заметки и задавали вопросы, в том числе, и рядовые сотрудники. Новое руководство музея поддерживало мелкие бытовые дразги и недоверие к старым специалистам, еще остававшимся в штате. Мобилизация общественного мнения против старших по возрасту и по стажу работы в музее коллег позволила руководству переложить моральную ответственность за все неудачи в обновлении музея на «носителей старых традиций прошлого». Свою позицию реформаторы декларировали в таких выражениях: «Несмотря на проделанную партколлективом громадную работу при новом руководстве в музее все еще имеются остатки старых корней, скрытые под разными видами... числились, но не работали или работали тогда, когда хотели... Необходимо обследование и пер-

сональная чистка» [3:1]. Недоброжелательное внимание к дореволюционной интеллигенции, образованным людям и их детям было характерно не только для чисток в музее, оно было основным содержанием всей государственной публичной компании «проверки личного состава советского аппарата» с первых дней ее проведения. Политический контекст, заданный «Шахтинским делом» и «делом Промпартии», значительно подогрел эмоции носителей «пролетарского чутья» в отношении всех, кто был на них не похож речевым поведением и бытовой культурой. Е.Л. Киселева в статье о чистках в советских учреждениях справедливо замечает: «Изначально повышенное внимание к «бывшим» при проведении чистки было вызвано стремлением [...] мобилизовать на ее проведение рабочих и крестьян. Борьба с «бывшими» для них была более близка и понятна, чем борьба с уклонами или бюрократизмом» [7:63].

Стенограммы собеседований в Политехническом музее показывают, что комиссия по чистке много времени уделяла публичному обсуждению мелких бытовых подробностей повседневной работы. Речь то и дело заходила о моли в меховых изделиях и недостатках образцов кожи в витринах отдела прикладной зоологии, о наличии в целом ряде отделов этикеток к экспонатам, написанным по старой орфографии. Директору библиотеки профессору П.С. Воскресенскому припомнили и то, что он «хранил в нескораемом шкафу вплоть до момента увольнения фотографии дома Романовых» [13:19]. В.П. Ефремовичу поставили на вид, что он продал рабочему «казенные сапоги за 12 руб., вам дали 15 руб., а вы сдачи не дали» [13:77]. Публичному обсуждению подлежали и личная и профессиональная жизнь сотрудников вне стен музея. Они вынуждены давать объяснения о причинах опозданий, о результатах и сроках командировок, о событиях и фактах собственной частной жизни, например, об «участии в похоронах генерала» или о распределении семейных обязанностей по уходу за маленьким ребенком. Житейские сюжеты вызывали искренний интерес и отклик «общественности», при их обсуждении новые руководители музея и «актив» чувствовали себя компетентными, тогда как разговор о специальных вопросах музейной работы им было сложно поддерживать. При поднятии профессиональных тем – методы работы с

посетителями, комплектование коллекций, профессиональная коммуникация – председатель комиссии всякий раз возвращал разговор на бытовой уровень. Тенденция к снижению уровня разговора особенно заметна в стенограммах собеседований с Е.В. Ворониной, Н.В. Шейнониой-Угримовой, И.П. Машковым. Е.Л. Киселева так комментирует в своем исследовании характерный стиль ведения собеседований: «Если определить «партийное лицо» служащего государственного аппарата, руководствуясь директивами, опубликованными в последнем номере газеты «Правда», не составляло труда, то вникнуть в тонкости работы для рабочего от станка было не очень просто. [...] Теоретическое опыта и практических знаний явно не хватало» [7:64].

Пристрастие к обсуждению сюжетов служебной повседневности, которые сотрудники внутри коллектива обычно обсуждают в неформальной обстановке, Е.Л. Киселева связывает со стремлением политического руководства государства и его функционеров на местах подчинить своему контролю повседневное общение людей на работе. Обмен политическими анекдотами должен был быть вытеснен сплетнями об опозданиях и семейных обстоятельствах сотрудников. Один из молодых сотрудников говорит в ходе собеседования о своих старших коллегах: «Теперь они молчат, а раньше они говорили, и анекдоты любили рассказывать, любили критиковать советскую власть» [13:115]. Вслед за советскими идеологами тех лет исследовательница лет называет такую стратегию «борьбой за овладение рабочими курилками» [там же].

Как предписывала единая для всех учреждений инструкция НК РКИ, для определения «партийного лица» государственных служащих в ходе чисток всем задавали вопросы, связанные с «повесткой дня» – о коллективизации, о продовольственном дефиците. Последняя тема стала особенно острой в 1929–1930 гг., когда в больших городах «впервые начались перебои с продовольствием, и выстроились очереди за хлебом» [16:54]. Среди людей, ответы которых сохранились в стенограммах, были пожилые и молодые, «старые специалисты» и вчерашние студенты, вновь принятые, и работники с внушительным стажем. При переходе к темам, связанным с повесткой дня, характер ответов радикально менялся. Очень непохожие друг на друга люди с раз-

ной степенью старательности пытались воспроизвести в своей речи слог фраз газетных передовиц. Интеллигентные сотрудники библиотеки «из остатков старых корней» Н.П. Ефремович и А.Н. Гагина давали противоположные по сути, но одинаковые по форме ответы на вопрос о дефиците продуктов первых лет коллективизации. Н.П.Ефремович считал, что дефицит продуктов неизбежен при новом режиме и будет всегда: «А такое явление, как паяк, как воспринималось вами? – Это уже общее явление. [...] Я не относился отрицательно, потому что это необходимость. Вот сейчас тоже паяк. [...] Отрицательное отношение [к советской власти] было только, когда она возникла, а потом совершенно другое» [13: 69 об.]. А.Н. Гагина, напротив, оптимистично полагала, что дефицит – временное явление: «Как относитесь к недостатку продуктов? – Это временные недостатки, которые должны быть изжиты. Вызваны вредительством и перебоями, которые бывают при всякой ломке и переходе на новое строительство в деревне. Коли бы все было налажено, было бы лучше. Это переход – ломка целого мировоззрения». [13: 94]. Н.В. Шейнина-Угримова, которая «стала работать при советской власти, а до этого училась», отвечая на вопрос о дефиците, демонстрирует более глубокое понимание его политических причин, но все теми же словами газетных передовиц: «Эта линия ведет к улучшениям, но иногда бывают искривления. [...] – А нехватка продуктов, очереди? – От личных интересов надо отказываться. – 3–4 года назад мяса было сколько угодно, а теперь нет молока, мяса... – Укрупненное хозяйство даст больше [13: 18]. Все опрашиваемые единодушно готовы мириться с дефицитом, не высказывают раздражения или критики в адрес власти в связи с текущим положением дел.

Изучая результаты собеседований по справкам, выданным уволенным и наказанным выговорами сотрудникам, мы с удивлением видим, В.П. Ефремович, который не только не вернул сдачи за сапоги, но и не скрывал своей нелояльности власти и иронизировал над новыми порядками в музее, наказан не был. Его ответы поражают прямолинейностью: «Когда наступил октябрь, ваше материальное положение ухудшилось. Как вы отнеслись к этому новому течению? – Несомненно, отрицательно» [13: 69]. «Как относитесь к реконструкции музея? – Что раньше делал, то

и теперь делаю. [...] . – Вы с 23 года вели здесь пассивную работу...вы должны были все вверх ногами перевернуть! – Я думаю, что и без меня здесь переворачивают достаточно» [13:77]. Сидя напротив «выдвинутого» на заведование библиотекой рабочего-печатника Д.Д. Косимовского, В.П. Ефремович осмеливается давать положительные оценки работе смещенного П.С. Воскресенского: «У прежнего заведующего библиотекой знания были шире, чем у теперешнего заведующего» [там же]. Его коллега, дочь дворянина А.Н. Гагина, как и В.П. Ефремович получила диплом до 1917 г., и была педагогом. По результатам чисток она была уволена с выводом «о нецелесообразности использования в дальнейшем на ответственных должностях». Сохранить работу в музее ей не помогли ни ее слова о том, что «партийное руководство везде правильно – потому что с беспартийного нельзя спросить», ни то, что она, несмотря на занятость, посещала кружок политграмоты, ни то, что она объявила себя ударником, и «подписалась на 100%, по займу пятилетки» [13:94].

Люди, проводившие чистки, делали выводы о профессиональной пригодности служащих, основываясь не на содержании их ответов, но на их эмоциональной окраске. Циничные ответы А.Н. Гагиной они сочли менее приемлемыми, чем злобную откровенность В.П. Ефремовича. Чтобы войти в группу служащих, продвигающихся по карьерной лестнице, необходимо было не только научиться излагать свои убеждения на языке газетных передовиц, но и овладеть навыком выражения необходимого эмоционального подъема, искусством, по выражению С. Коткина, говорить «по-советски» [8]. Этот навык было основой «социального капитала» нового типа, без которого сложно было рассчитывать на успех и выживание в новой системе общественных отношений. Ученый секретарь Вл.Р. Вильямс, который не использовал в своей речи газетных клише, демонстрировал в ходе собеседований необходимый эмоциональный подъем, когда рассказывал о своем голосовании за применение высшей меры наказания к профессорам, замешенным во вредительстве. Н.П. Ефремович, хоть и не был наказан, но по службе не продвинулся. Он отвечал на вопросы искренно, от исповедального тона решительно отказался: «Газеты пишут, что ликвидируется кулак как класс в деревне, что госпромышленность вытесняет частных в

городе, что высылают в Соловки. Как вы к этому относитесь? – Позвольте, это какое-то испытание. Вы хотите лезть в середину. – В этом же весь вопрос! – Это слишком общие вопросы. Я не имею среди кулаков ни знакомых, ничего, так что к этому отношения не имею» [13:70]. С.В. Тейс, сохранивший работу и получивший позже повышение, уклонялся от прямого ответа на вопрос относительно того, чем он занимался во время гражданской войны. «Что вы делали при белых в Баку? – Работал. [...] Чиновники были аполитичны, политикой не занимались. – Я говорю про ваши внутренние убеждения? [13:21–23]. Молодой интеллигентный сотрудник отдела прикладной физики А.А. Лебединский предпочитал отмалчиваться в ответ на резкие высказывания и бестактные вопросы. Заместитель директора и бывший политрук Красной армии обратился к своему сверстнику с проникновенными словами, неожиданными для публичного мероприятия: «Чувствуется какая-то подавленность, какая-то вещь, висящая над вами. [...] Вы парень сообразительный, у вас есть общее развитие и подготовка. Но вас что-то здорово ущемило. Надо пользоваться таким моментом как чистка аппарата. Такой момент может дать возможность иначе посмотреть на жизнь, и себя почувствовать. Мы хотим вас приободрить. Вам надо встряхнуться. Очевидно, у вас есть какая-то трагедия [...]. Интеллигентская мягкотелость, нуждается в коллективе» [13:117]. Члены комиссии по-отечески призывают опрашиваемых вливаться в коллектив, проявлять в ходе чисток откровенность, исповедальную искренность, использовать уникальный случай для повышения своего «социального капитала».

Несмотря на резкий тон многих разговоров, безусловную унижительность и моральную тяжесть участия в этом мероприятии для опрашиваемых, фактические результаты были не столь разрушительны. Отчет для Центральной комиссии по чистке при РКИ «Выводы и предложения, данные по чистке аппарата» [3:2] свидетельствует о том, что «снято с работы» было 16 человек, выговоры получил 41. По сравнению с почти двумя сотнями человек, уволенными в 1928–1930 гг., количество «вычищенных» кажется незначительным. До наших дней дошёл комплекс документов, позволяющих проследить карьерные траектории некоторых людей, прошедших чистки. В деле «Выводы и пред-

ложения, данные по чистке аппарата» [3:19–56] есть 23 справки, оповещавшие о персональных результатах чистки. Кроме того, «Протоколы заседаний комиссии по чистке аппарата ГПМ. 7 февраля 1931 г. Беседа с отдельными сотрудниками ПМ по вопросам, которые для комиссии не кажутся ясными» сохранили стенограммы собеседований с 14 сотрудниками музея [13].⁶ Персональные документы позволяют не только исследовать стратегию и мотивы людей, проводивших чистки, но и проследить степень влияния личности, происхождения, образования, и речевого поведения опрашиваемых на их дальнейшую карьерную траекторию.

Для персональной чистки были приглашены, в основном, люди дворянского происхождения, и люди с тяжелыми характерами, которые легко наживали врагов. Но не все они были уволены. Из отделов, проявивших, по выражению Вл.Р. Вильямса, наибольшую «самостийность» в музее – строительно-архитектурного, прикладной зоологии и библиотеки – к участию в персональной чистке пригласили почти каждого из сотрудников, включая технический персонал. С особой тщательностью и пристрастием опрашивали «старых специалистов» и людей с давними связями в музее, которых новое руководство планировало использовать на значимых должностях. Опрашивали людей, кто был лично связан с коллегами, которые были арестованы ОГПУ.

Обозревая результаты чисток, мы видим, что «выводы комиссии» не зависели напрямую ни от того, как люди держались в ходе собеседований, ни от степени выраженной ими лояльности музейной и центральной власти. Тем не менее, результаты кажется предсказуемыми. Отчасти, они были продиктованы необходимостью отчитаться перед НК РКИ. Заключение самой тяжелой первой категории «абсолютной невозможности исправления и безусловного вреда, наносимого их работой в советском аппарате» [7:64] получил 59-летний Александр-Этгар-Казимир Карлович Кюнцель. Он пришел на работу в музей после 1928 г. и занимал скромную должность помощника библиотекаря. Выпускник ИСПБУ, дворянин, инженер-статистик, бывший мичман

⁶ Лишь только в 6 случаях нам известно, какие «выводы» сделала комиссия.

флота в Белой армии обвинен в «искривлении классовой линии». Комиссия его опрашивает без свидетелей, и «стенограмма опроса не производится» [3:42]. Наталья Вячеславовна Шейнина-Угримова, ученица П.П. Петрова, дворянка, муж которой Б.И. Угримов был арестован по «делу Промпартии», была уволена «по второй категории», то есть не могла искать работу в Москве и в учреждениях подобного типа. Причина увольнения – за «не проведение в жизнь директив по отражению в Текстильном отделе элементов социалистической экономики и строительства. Не выполнила замену старого новым этикетажем. Проводила неправильную линию в общественной работе» [3:49]. Увольнение мичмана Белой армии и жены «врага народа» напоминает показательное действие, предпринятое для придания отчету весомости.

Чистки были не только поводом снять ответственность с руководства за неудачи, не только способом сплочения нового коллектива, но и «социальным лифтом» для некоторых участников. Те, кто гордился своим опытом работы в музее, заслугами перед ним, были публично лишены былых символических преимуществ. Вл. Р. Вильямс потерял в результате чисток должность заведующего техническим отделом, но сохранил позицию ученого секретаря. Документы отдела кадров показывают, что Н.Н. Хотчинский, С.В. Тейс и Ю.Н. Кивокурцев, стенограммы бесед которых с комиссией сохранились, получили позже повышение по службе. Между 1931 и 1940 гг. они заведовали в музее отделами. Н.Н. Хотчинский и Ю.Н. Кивокурцев были относительно молодыми людьми, и были связаны с музеем, как мы уже писали, через рекомендации и семейные связи. Ю.Н. Кивокурцев был сыном дворянина. Николая Николаевича в 1925 г. устроил на работу помощником библиотекаря свою жену или сестру, В.Н. Хотчинскую. В ходе собеседований Н.Н. Хотчинский и Ю.Н. Кивокурцев давали на большинство вопросов уклончивые ответы, их происхождение и родственные связи в музее не были поставлены им на вид. Научный сотрудник отдела прикладной зоологии Сергей Владимирович Тейс, 63-летний выпускник естественнонаучного отделения СПбГУ, пришел на работу в музей в 1924 г. по направлению треста Главрыба. Несмотря на то, что по образова-

нию, возрасту и происхождению он ближе к «носителям старых корней», в ходе собеседования он проявлял себя как приверженец ценностей «нового пролетариата», «советских служащих». В ходе собеседования он вел себя строптиво, от прямых выражений лояльности властям уклонялся, но подчеркнуто приветствовал перемены в музее: «Я горю желанием перестроить музей, как подскажут молодые товарищи, у меня имеются знания, которые я приложу. [...] Высказываюсь в стенгазете, вывесил плакат против вредительства. Быть большевиком в среде интеллигенции, [...] которая относится с предубеждением ко всему советскому, это в высшей степени трудно. Я за это время порвал буквально со всеми» [13:24].

Среди вопросов, утвержденных для обсуждения в ходе чисток, инструкций НК РКИ, был вопрос о семейственности. Он несколько раз появлялся в стенограммах собеседований чисток. «Семейственность», в отличие от нейтрально названной в письме П.П. Петрова в Главнауку «совместной службы родственников», предполагает злоупотребление служебным положением ради обеспечения преимуществ и привилегий родственникам в обход служебной субординации. Пока в музее не было «штата», «ставок», «служебной субординации» в нем не могло быть и «семейственности», могла быть только «совместная служба родственников». Среди людей, проходивших чистки, были и те, кто упомянут в письме и в фельетоне К.А. Минаева. Это Н.П. Кречетова, А.И. Гагарина, И.А. Андреев. Ни в стенограмме собеседования И.А. Андреева, ни в персональных заключениях комиссии для Н.П. Кречетовой и А.И. Гагариной тема семейственности не поднималась. Нина Петровна и Александра Иосифовна «сняты с работы» за аполитичность. Все они не занимали никогда в музее значимых должностей, и злоупотреблять положением ради родственников не могли.

Прямое обвинение в семейственности стало поводом для увольнения ее директора, профессора П.С. Воскресенского. Поводом для увольнения директора библиотеки, как и в других случаях, было названо не отсутствие лояльности, а злоупотребление служебным положением при найме на работу, в том числе, родственников. Комиссия дала ему следующее заключение:

«Подбор штата библиотеки не соответствует специальности и по своему социальному положению (баронесса Кнорринг-Теляковская, жена генерала Мейер, штабной офицер Михайлов). Прием на работу помимо биржи труда родственников (сестра, а также устроил в б-ку свою домработницу). Раздутие штатов и окладов – 60 чел., 35 – научные сотрудники с 4-х часовым рабочим днем» [3:19]. Хотя все без исключения участники чисток отзывались о Павле Сергеевиче с большим уважением, новое руководство музея относилось к нему с крайним раздражением, как ко всем, кто не хотел «говорить по-советски», проявлял независимость, был авторитетом для других сотрудников. Многих сотрудников библиотеки в ходе чистки спрашивали о том, замечали ли они семейственность в библиотеке. «Как вы смотрели, что Воскресенский брал на службу в библиотеку свою сестру? [...] – Вообще тогда был такой закон, что родственникам разрешалось служить в библиотеке. – Какие еще были родственные отношения? – Больше не было. Были в Главнауке, у Лопатина служила жена. Тогда был такой закон. Сейчас безработица ликвидирована, а тогда была безработица, и был такой прецедент, что когда жена служила, то роптали» [13: 98]. Сотрудники библиотеки в данном случае ссылаются на тот же закон, о котором пишет П.П. Петров в письме 1927 г. Некоторые просто говорили о личной непричастности к злоупотреблениям: «Воскресенский целую семью устроил в библиотеке. – Я как раз отношусь к числу сотрудников, которые абсолютно никакими привилегиями не пользовались» [13:64].

Множество вопросов о семейственности задают Н.В. Шейниной-Угримовой. Ее муж находится в ОГПУ, и они оба были сотрудниками музея с начал 20-ых гг. Члены комиссии надеялись добыть у Натальи Вячеславовны признание, что ее муж устроил ее на работу или оказывал ей покровительство. ОГПУ могло бы использовать сведения об этом злоупотреблении, составляя против него обвинительное заключение. Наталья Вячеславовна не оправдала их надежд. Она сообщает, что они с мужем познакомились и поженились, уже будучи сотрудниками музея: «Со вторым мужем я познакомилась в 27 г. у профессора Петрова. Поступая сюда, я даже не знала, что БИ здесь работает» [13:2 об]. Через не-

сколько ступеней разговора ей задают примерно с той же целью вопросы о семейной паре В.А. и В.В. Репманов, сотрудников ее отдела. На этот раз Наталья Вячеславовна отвечает с нескрываемым раздражением: «Когда вы пришли в музей, заметили ли вы здесь семейственность? Затем, замечали ли вы, что люди работают не по специальности? – На семейственность я не обращала внимания [...] коли я была бы подпольным работником, у меня была бы определенная закалка» [13:8 об].

Отвечая на вопросы о семейственности, сотрудники сообщают свои соображения и мнения более непринужденно и в более разнообразных выражениях, чем, когда речь идет о коллективизации и продуктивном дефиците. Это позволяет предположить, что вопрос о семейственности был в меньшей степени канонизирован советской идеологией, не имел однозначного обязательного для всех решения, выраженного в закреплённой газетными передовицами формуле.

Документы музея показывают малую эффективность чисток не только в деле «сокращения советского аппарата», но и в искоренении семейственности. Активный член комиссии по чистке Иван Давыдович Шаляпин, был в 1931 г. председателем Месткома. В частности, он в первый день собеседований «с пристрастием» задавал вопросы о семейственности Н.В. Угримовой-Шейниной. Сын крестьянина Рязанской губернии, кочегар на железной дороге, пришел в 1924 г. в музей работать истопником. После начала преобразований в музее, он вступил в ВКП(б), и был выбран председателем Месткома. В 1936 г. занял должность заместителя директора по хозяйственной части, переехал в служебную квартиру в здании музея. В 1937 г. он, несмотря на рискованность этого шага, и перешагнув через свою ненависть к семейственности, помог устроиться на работу в музей своему брату Василию Давыдовичу, который только что освобожден из Беломоро-балтийского лагеря НКВД. «Символический капитал», накопленный в новых условиях и новыми способами одним из братьев, был разделен с другим, менее удачливым братом. Источником «символического капитала» братьев выступали уже не связи и репутация, как в былые времена, а способность одного из них «говорить по-советски».

Хотя у нас есть свидетельство, что братья Шалапины в конце 30-х гг. вели себя при устройстве на работу родственников так же, как члены семей «младших служащих» до начала «пролетаризации» музея, давление, которое испытывали люди в первые годы индустриализации, привело к изменениям отношений внутри семей. Драматургия чисток, как и фельетона К.А. Минаева, строилась вокруг разоблачения «прикрытых на неопределенных позициях» «остатков старых корней, скрытых под разными видами». Исповедально-бытовая часть чисток включала подробные расспросы о происхождении и семейных связях сотрудников. Спрашивали не только о родителях, но и братьях и сестрах, о детях, об умерших супругах. О наследстве, о должности, участии семей в войне и революции, о членстве в комсомоле и партии. Опрашивающие исходили из идеи, что все члены семьи отвечают друг за друга, даже уже не живущие. Например, сотрудницу библиотеки, бывшую учительницу народного училища Н.Н. Хотину с нажимом расспрашивали об ее умершем от воспаления легких в 1918 г. муже-студенте. Многие вопросы о родственниках показывает, что носители новой идеологии придавали большее значение семейным связям, чем этого требовала бы последовательная позиция людей, нацеленных на модернизацию устройства мира и своего общества.

«Остатки старых корней» в музее, как пожилые, так и молодые, проявляли даже в тех сложных обстоятельствах, в которых они находились в ходе собеседований, семейные и дружеские привязанности. Вл.Р. Вильямс пытался замолвить слово за репрессированного В.А. Репмана, сына своего покойного коллеги и друга. И.П. Машков опекал и заботился о внуке своего покойного друга и коллеги Ю.П. Кивокурцеве. Н.В. Шейнина-Угрюмова, находившаяся после ареста Б.И. Угрюмова с новорожденным ребенком в сложном положении, проявляла преданность мужу. Она не только не стеснялась говорить о нем с любовью с недоброжелательными членами комиссии, но и отказалась отречься от него на собрании Месткома. Научно-технический сотрудник отдела прикладной физики А.А. Лебединский получил выговор, отказываясь обсуждать поведение своей жены с комиссией чистки, и приглашать ее для «проработки» в Местком. Н.П. Кречетова, находившаяся на грани увольнения и выселения из служебной квар-

тиры, вступилась за уважение к памяти своего отчима. И.А. Андреев на собеседовании отказался доносить на сотрудников своего «опального» отдела, которых он знал множество лет. Выражение верности семейным и дружеским связям в ситуации публичных чисток было полностью лишено прагматического смысла. Для «непролетаризированных» сотрудников музея верность семье была способом сохранения собственного достоинства. Ради этого они готовы были рисковать социальным статусом и карьерными возможностями.

Однако, не все интеллигентные сотрудники музея продолжали ценить и оберегать от давления государства семейные связи. С.В. Тейс, более близкий по своей позиции к ценностям «нового пролетариата», на вопрос, почему его взрослый сын (заведующий школой машинописи) не в комсомоле, отвечает «в такое время отцам на детей влиять мудрено» [13:14]. Через 4 года И.В. Сталин в ответ на речь стахановца о раскулаченном отце, заметил почти в тех же словах, что «сын за отца не отвечает» [16:158]. Как известно, И.В. Сталин никогда не заступался за своих друзей и родственников, попавших в тюрьму, что полностью разрушило к концу 30-ых гг. его семейный круг. [15:239]. Если научный сотрудник музея С.В. Тейс, произнося эту фразу в ситуации публичного собрания, бравировал своей приверженностью «новым веяньям». И.В. Сталин, произнося фразу о сыне и отце, обесценивал для всех жителей страны старый тип капитала социальных отношений, который ранее передавался, по мнению Д. Берто и И. Берто-Вьям, внутри семей, от отцов к сыновьям [1].

Антиинтеллектуализм сталинской «культурной революции», политические публичные судебные процессы против научно-технических специалистов полностью изменили атмосферу в среде сотрудников Политехнического музея. Комиссии по чисткам распространяли в советских учреждениях идею разрыва преемственности между поколениями, и связи солидарности в профессиональных сообществах и в семьях. В научной среде эти связи поддавались более медленному разрушению, вопреки установкам государства. Члены комиссии по чистке и новые функционеры также придавали большее значение семейным связям, чем им бы хотелось, что все верили. Разрыв горизонтальных связей происходил в 1930-ые гг. не только в советской системе,

в быстро индустриализирующейся Германии проходили сходные процессы. На отношение к семье в модернизирующихся обществах влияло повсеместное стремление женщин в городах к эмансипации, и пролетаризация умственного труда – появление социальной группы служащих.

Официальная идеология, призванная сделать общество более рационально устроенным и управляемым, проводилась в жизнь людьми с низким уровнем образования и с невысокой социальной рефлексией. Они были на деле консервативно настроенными, и придавали семейным связям большее значение, чем этого хотелось бы модернизаторам. Из этого внутреннего противоречия сложилось несовпадение общих представлений о ценности семьи и семейных связей в обществе и конкретными выборами и поступками людей на практике. История институций и связанных с ними семей дает возможность увидеть процессы, происходящие в обществе в неожиданном ракурсе соединений личного и общественного, микро- и макроуровня разворачивания исторических процессов.

Литература

1. Берто Д., Берто-Вьям И. Семейное владение и семья: преемственность и социальная мобильность, прослеживаемые на пяти поколениях // Социологические исследования. 1992, № 12. С. 132–140.
2. Вильямс В.Р. Научная и просветительская работа Государственного Политехнического Музея за 10-летие 1917–1927 г. // Десять лет строительства Музея 1917–1927. М. 1928. С. 45–84
3. Выводы и предложения, данные по чистке аппарата. Рукопись. ГПМ, КП № 28843/63.
4. Гуськова А. Войны РАППа // Горький. 01.05.2019 (<https://gorky.media/context/vojny-rippa>).
5. Донченко А.С. Самолова Т.Н. Реформирование высшей школы Советского государства в декретах и постановлениях партии и правительства (1917–1938 гг.) // Вестник КрассГу. 2014, №10. С. 7
6. Заявление Н.П. Кречетовой в Центральную комиссию по чистке при РКИ. Рукопись. ГПМ, КП 23554/80
7. Киселева Е.Л. Чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг. как советский метод борьбы с бюрократизмом // Вестник Российского университета дружбы народов 2009, №4, с.60–73

8. *Коткин С.* Говорить по-большеvistки / Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара, 2001 с. 250–328
9. *Кракауэр З.* Служащие: из жизни современной Германии. Екатеринбург, 2015. С. 142
10. Материалы пор чистке аппарата ГПМ 1931 г. Рукопись. ГПМ, КП 300049/48
11. *Минаев К.А.* Музей родственников // Рабочая газета. 08.04.1928.
12. *Петров П.П.* Краткий исторический очерк положения Государственного Политехнического Музея за 10-летие 1917–1927 г. // Десять лет строительства Музея 1917–1927. М. 1928. С. 7–22
13. Протоколы заседаний комиссии по чистке аппарата ПМ. 7 февраля 1931 г. беседа с отдельными сотрудниками ПМ по вопросам, кот для комиссии не кажутся ясными. Рукопись. ГПМ КП № 30049/85.
14. *Сталин И.В.* Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства. (Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.) // Правда №183, 05.07.1931
15. *Фицпатрик Ш.* О команде Сталина. Годы опасной жизни в советской политике. М., 2021. С.523
16. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 1930-е гг.: город. М., 2008, 336 с.
17. Переписка ГПМ с Главнаукой Наркомпроса РСФСР по различным вопросам работы Музея. 1927. Рукопись, ГПМ, КП № 30049/8. Л. 79–81